

ослаблены: показатели, непосредственно описывающие науку, заперты глубоко внутри многофакторных показателей.

Показатели интернационализации стимулируют повышение количества иностранных студентов и сотрудников и совместных публикаций, но их вес в итоговых результатах рейтингов невелик: опять же стимулы к изменениям погребены под другими компонентами многофакторных показателей.

Таким образом, может получиться так, что уровень цитируемости в расчете на одного сотрудника или показатели интернационализации университета улучшатся, а его рейтинг снизится из-за результатов репутационных опросов, которые составляют важную часть рейтингов Times Higher Education и QS, но которые при этом не имеют никакого отношения к реальной деятельности. Опросы отражают мнение людей о результатах деятельности вузов, но не содержат конкретных данных об этой деятельности. Таким образом, разрывается связка между прилагаемыми усилиями, реальным прогрессом и рейтингами, которая и является основным элементом цикла перемен. То же происходит, когда рейтинг вуза меняется в результате незначительных методологических изменений. Опять же выходит, что логическая связь между прилагаемыми усилиями, прогрессом и рейтингом отсутствует.

«Но постойте, студентам важна репутация вуза!» — можете сказать вы. Ценность диплома находится в зависимости от сложившейся неформальной иерархии. Это так. И репутационная иерархия сама по себе, составленная по результатам опросов и не затронутая другими факторами, может дать нам важную информацию. Однако один лишь репутационный рейтинг, как бы интересен он ни был, не может быть постоянным стимулом для улучшений. Он может лишь стимулировать игры в рыночное позиционирование. В общем, чтобы репутационные рейтинги шли на пользу общественным интересам и отдельным участникам рынка, репутация должна оцениваться на основе реальных результатов деятельности вузов.

Чтобы пояснить мою мысль, приведу аналогию. Победителем чемпионата мира по футболу становится команда, забившая больше всего голов в отведенное ей игровое время. А что, если ФИФА вдруг решит изменить правила? И вместо того, чтобы оценивать лишь реально забитые мячи, решит добавить 50% очков команде, забившей больше всего голов, и еще 50% очков — команде, признанной лучшей по результатам опросов? Наше доверие к результатам чемпионата снизилось бы, не так ли?

Рейтинги, основанные на множественных индикаторах, содержат огромные массивы данных, но они не могут последовательно служить стимулом прогресса, т.к. не ясна связь между предпринимаемыми в каждой конкретной области усилиями и результатами рейтингов. Появляются разнонаправленные стимулы, а результаты их влияния не видны. В Шанхайском рей-

тинге различные используемые индикаторы довольно хорошо коррелируют между собой, при этом они однонаправленны и содержат схожие стимулы. А вот рейтинги QS и Times Higher Education составляются на основе разнородных индикаторов.

С другой стороны, если разобрать комплексные рейтинги на составные части, то очевидно, что используемые в них показатели действительно могли бы стимулировать повышение эффективности вузов. В таком случае рейтинговая гонка и впрямь могла бы способствовать достижению более высоких результатов, а не улучшению репутации ради репутации как таковой.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9762>

Гонка за рейтингами в период массовизации высшего образования: забудьте о них!

Филип Альтбах, Эллен Хэйзелкорн

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Эллен Хэйзелкорн — советник по стратегическим вопросам Экспертного совета по высшему образованию Ирландии, почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института. E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Эта статья основана на книгах M. Yudkevich, P. Altbach, and L. Rumbley, eds. The Global Rankings Game (Routledge 2016) и E. Hazelkorn, ed. Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education (Routledge 2016).

У нас есть одно очень простое утверждение: университеты всего мира слишком зациклились на своем статусе в национальных или глобальных рейтингах, даже при том, что многие из них никогда публично в этом не признаются. Мы утверждаем, что пришло время остановиться.

Некоторым университетам удастся попасть в вожденные рейтинги или незначительно улучшить свои количественные результаты, но все это не стоит затрачиваемых средств или значительных изменений, вносимых в миссию и академическую составляющую

деятельности вуза. На самом деле практически любой «успех» происходит в результате изменений методологий, которые составители всех рейтингов постоянно производят, для того чтобы они продолжали привлекать к себе внимание общественности и СМИ и были коммерчески рентабельны.

Наш совет особенно актуален для национальных, региональных и профильных университетов и колледжей среднего размера, их стейкхолдеров и правительств их стран. В связи с ростом спроса на высшее образование и повышением экономического и социального запроса на более квалифицированный персонал сегодня под это определение подпадает подавляющее большинство вузов мира. По прогнозам, к 2030 году количество студентов вузов в мире увеличится до 414,2 млн по сравнению с 99,4 млн в 2000 году, то есть на 316%. Для удовлетворения этого спроса будет необходимо в течение следующих 15 лет еженедельно открывать не менее четырех университетов, каждый примерно на 30 тыс. студентов.

Эти университеты — основная опора и для социума, и для местных сообществ, а также залог социально-экономического роста и развития. Они, конечно, будут проводить какие-то исследования, но вряд ли получат мировую известность.

Тем не менее наш совет применим и к университетам, которые считаются флагманскими, то есть лучшими в своих странах или регионах. Это связано с тем, что рейтинги извращают одну из основных задач высшего образования, которая состоит в том, чтобы создавать условия для обретения студентами и выпускниками знаний и навыков, необходимых для успешной, активной и насыщенной жизни, в том числе с учетом того, что ее продолжительность постоянно растет.

Что измеряют и чего не измеряют мировые рейтинги

Сейчас уже всем хорошо известно, что три основных мировых рейтинга (ARWU, он же Шанхайский рейтинг, рейтинг Times Higher Education (THE) и рейтинг QS) оценивают главным образом две вещи: исследовательскую продуктивность и (за исключением ARWU) репутацию вузов среди ученых, работодателей и студентов. Научная продуктивность вуза составляет 90% в THE и 70% в QS, в том числе 33% и 50% соответственно связаны с его репутацией. Составители THE используют субъективный репутационный опрос для оценки качества преподавания, но не ясно, как кто-то может оценивать качество преподавания, находясь вне учебной аудитории. Стремление к интернационализации заставляет отдавать предпочтение количественным, а не качественным показателям, что часто отражает географическое положение страны. Один из таких примеров — Швейцария.

Разработанный Европейским союзом U-Multirank основан на более полном наборе показателей, но пока не получил широкого признания, а другие рейтинги, на

пример Лейденский, очень узкоспециализированные и потому включают небольшой круг вузов.

Растет количество национальных и специализированных версий рейтингов, составляемых самыми разными изданиями — от US News and World Report в США, Macleans в Канаде, Der Spiegel в Германии или Asahi Shimbun в Японии до Глобального рейтинга программ MBA, публикуемого Financial Times, и индонезийского Рейтинга экологичности мировых университетов. Последние из упомянутых созданы на основе обширной базы данных, но не лишены методологических проблем.

...наш совет применим и к университетам, которые считаются флагманскими, то есть лучшими в своих странах или регионах.

Почему университеты должны забыть о рейтингах

Согласно Всемирной базе данных о высшем образовании (<http://www.whed.net/home.php>), в настоящее время в мире насчитывается около 18 000 вузов. Независимо от приложенных усилий и потраченных ресурсов, только очень немногие смогут хотя бы раз попасть в рейтинги. Университеты, представленные в первой сотне рейтингов, составляют лишь 0,5% от общемирового числа, и в них обучается всего 0,4% студентов. Без сомнения, попасть в рейтинги — это само по себе достижение, но удержать свое положение, а уж тем более повысить его — еще более сложная задача. Ожидания растут, поэтому скольжение в рейтингах становится постоянной проблемой, которая неизбежно вызывает негативный общественный резонанс.

Все это происходит из-за ужесточающейся конкуренции, и для того, чтобы ее выдерживать, лидеры рейтингов вкладывают огромные финансовые и человеческие ресурсы. К тому же рейтинги благоволят университетам, которые сильны в естественных, инженерных и медицинских науках. Молодые и небольшие вузы, особенно расположенные в развивающихся странах, а также вузы, в которых нет этих специализаций, ограничены в шансах на победу. Университеты, которые уже оказались на верхушке рейтингов, не стоят на месте и продолжают развиваться. Таким образом, улучшение положения того или иного вуза в рейтингах невозможно без вливания существенных финансовых и прочих ресурсов.

Уроки рейтингов

Рейтинги оказали неоправданно большое влияние на высшее образование и политику. Имеющиеся более чем десятилетние данные по многим странам показывают, как рейтинги повлияли на процесс принятия решений, на поведение преподавателей и исследователей, на распределение ресурсов, на выбор научных приоритетов, включая стимулирование публикаций на английском языке и публикаций в передовых международных журналах, на критерии найма и повышения сотрудников, на организационную структуру вузов, на слияния вузов. Сейчас у многих университетов есть стратегия продвижения в рейтингах и даже подразделения, которые их анализируют.

Как показывает международный опыт, из-за избыточного акцента на науку растет напряженность между ценностями и миссией университетов с одной стороны и стремлением попасть в рейтинги или повысить свое положение в них — с другой. При принятии решений и распределении ресурсов преподавательская работа, бакалаврские программы, гуманитарные и социальные науки оказываются не в приоритете. Некоторые университеты отдают предпочтение звездам мирового научного мира и награждают их привилегиями, которые не получают местные ученые или сотрудники с большим стажем. Существуют примеры того, как университеты в стремлении стать более элитарными и повысить такие используемые в рейтингах показатели, как уровень отсева, процент занятости, уровень зарплат выпускников, объем получаемых от выпускников пожертвований и т.д., пересматривают критерии отбора студентов. Однако подобные решения могут существенно изменить миссию и задачи вуза. Другие примеры показывают, насколько финансово затратными и ведущими к накоплению огромных долгов оказываются статистически незначимые изменения положения вузов в рейтингах.

Фокус на миссии, а не на рейтингах

Наш обобщенный опыт последних лет указывает на то, что рейтинги стали первостепенным фактором, влияющим на высшее образование. Даже Йельский университет недавно объявил о том, что больше не может себе позволить игнорировать их. С авторами статьи недавно связывалось даже руководство одного университета, расположенного в зоне военных действий, озабоченное положением своего вуза в рейтингах.

Это не единственный подобный пример. Поразительно, что сейчас, когда университеты стремятся расширить и защитить академическую автономию от разного рода вмешательств, некоторые из них добровольно решают принимать ключевые решения в зависимости от заданных и изменяемых кем-то правил.

Ведущими стимулами к развитию стали престиж и репутация, а не повышение качества или улучшение результатов обучения студентов, что ведет к дальнейшей социальной стратификации и репутационным

разграничениям. Многие соглашаются с тем, что используемые в рейтингах показатели и применяемые к ним веса имеют смысл, однако нет никаких подтверждающих это международных исследований.

Проблема, о которой мы пишем, крайне актуальна для огромного числа университетов и колледжей, которые тоже попали в омут рейтингов и которые занимают в них среднее или низкое положение. Мы говорим этим вузам и правительствам их стран: займитесь тем, что действительно важно, например помогите большинству студентов получить образование, которое позволит им найти перспективную работу и вести достойную жизнь, а не пытайтесь сделать так, чтобы вузы отвечали критериям, соответствующим требованиям разнообразных рейтингов. Даже если тратить на рейтинги много ресурсов и уделять им большое внимание, положительные результаты не гарантированы.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9759>

Академическая профессия в США под угрозой

Мартин Дж. Финкельштейн

Мартин Дж. Финкельштейн — профессор наук о высшем образовании, Университет Сетон-Холл, США. E-mail: martin.finkelstein@shu.edu.

За последние полвека система высшего образования США стала лидирующей в мире как по размеру, так и по качеству. Конечно, сейчас Китай уже обгоняет США по общему количеству студентов и по числу ежегодно защищающих диссертации аспирантов. И преподавателей в Китае больше, чем в США. Индия тоже грозит скоро обогнать США по размеру национальной системы высшего образования, по крайней мере по количеству студентов.

Американская система высшего образования по-прежнему претендует на звание лучшей по качеству, но и этот статус под угрозой.

Пересмотр ситуации

Таков вывод нового, предельно тщательно проведенного исследования статуса и перспектив академической профессии в США, опубликованного в октябре 2016 года (Martin Finkelstein, Valerie Conley, and Jack Schuster. *The Faculty Factor*. Johns Hopkins University Press, 2016). В этой работе мы учитывали описанные в нашей предыдущей книге признаки ухудшения системы в первое десятилетие XXI века (Schuster and